

Котов поменял тело на лучше подходящее для неблагоприятной окружающей среды: архаичное роботизированное шасси с защищёнными от радиации внутренними механизмами и тяжёлыми бронированными пластинами, которые поставили его на один уровень с эскортом скитариев и сделали похожим на церемониального рыцаря. Голову архимагоса окружало мерцающее целостное поле, раздражительно гудевшее в слуховых имплантатах, но оно было всё же предпочтительнее закрытого шлема.

Он вышел из переделанного скитариями “Носорога” и оглянулся на путь, по которому они пришли. Расселину в конце долины соединял мост, возводимый сапёрными подразделениями со строительных палуб “Табулария”. Каданские инженерные части не обладали ресурсами для преодоления такой широкой пропасти, поэтому их технике пришлось ждать вместе с остальными. Судя по вокс-переговорам между “Химерой” капитана Хокинса и “Саламандрой” полковника Андерса промедление пришлось не по душе людям Кадии.

Тысяча сервиторов, погрузчиков и строительных машин устанавливали тяжёлые вспомогательные фермы повышенной прочности, а адепты в мантиях на подвесных платформах сверлили крепления во внутренней поверхности ледяной расселины.

Но для постройки моста, способного выдержать невообразимый вес сухопутного левиафана, требовалось время, а Котов не желал ждать так долго. Он хотел лично вкусить момент своего триумфа, а не с помощью пикта или гололитической проекции.

Он хотел увидеть “Томиоку” собственными аугметическими глазами.

Позади “Табулария” неподвижно стояла “Луна Капиталина”, возвышавшееся воплощение Омниссии в Её аспекте войны. Редкие выбросы пара и тепла из бронированного реактора опровергали её дремоту. “Владыка войны” был вспыльчивым воином, напряжённым и готовым действовать. В обычных обстоятельствах присутствие полностью вооружённого “Владыки войны” придавало уверенности, но после происшествия на тренировочных палубах все по понятным причинам с опаской относились к могучей военной машине. Адепты легио Сириус заверили Котова, что ошибка Зимнего Солнца больше не повторится, но Котов хорошо знал, что Механикус никогда ничего не удаляют.

Архимагос не видел сопровождавших Зимнее Солнце на поверхности “Псов войны”, но в этом не было ничего необычного, принцепсы таких титанов славились своенравностью и предпочитали оставаться незамеченными.

Удовлетворённый, что всё идёт настолько быстро, насколько возможно, Котов направился к долине, где его ожидал Робаут Сюркуф с двумя членами экипажа.

– Вам следовало сначала позволить скитариям разведать это место, – произнёс Дахан, покинув второй “Носорог” и приближаясь широкой механической походкой. – Мы не знаем, что произошло и если верить Сюркуфу, то активная защита “Томиоки” может ещё функционировать.

Органические части лица секутора были заключены в насыщенный кислородом мембранный гель, который струился по черепу, словно тонкий слой воды. Все четыре конечности Дахана были подняты, цифровые скарификаторы потрескивали вспыхивавшей молнией, а верхние руки сжимали кебранианскую алебарду.

- Даже спустя почти четыре тысячи лет?

- Технология Механикус не хрупкая, - напомнил Дахан. - Она создана выдерживать испытания временем.

- Ты конечно прав, Хиримау, - ответил Котов, - но думаю, мы хорошо защищены, не так ли?

- Лучше знать, чем думать, - проворчал Дахан.

- Сказал, как истинный жрец Марса, - произнёс Котов без малейшего намёка на иронию.

За архимагосом следовали двадцать скитариев, облачённых в неотражающую панцирную броню, которая органично сочеталась с их движениями. На каждом плече виднелись клёпаные черепа Механикус в зубчатых шестерёнках, чешуйчатые скорпионы и азорные пауки. Воины Дахана обычно не носили варварские тотемы, но Котов заметил два кожаных плаща, пассивные рецепторы показывали, что она человеческая. Потребовалась пикосекунда, чтобы сравнить её ДНК с выращенной в медицинском отсеке манифольдной станции "Валетте".

Большинство скитариев несли бронебойное огнестрельное оружие, хотя два обладали имплантированными огнемётами, а у последнего воина оказалось два мелтагана, один вместо руки, а другой на плече. У всех виднелось разнообразное оружие ближнего боя: сабли, секиры и фальшионы с энергетическими лезвиями и зубастыми полотнами пил. Лица скрывали тонированные визоры, потемневшие до глубокого бронзового цвета.

Галатея решила остаться на борту "Табулария", что показалось Котову странным, учитывая её желание убить Пропавшего магоса. Не то чтобы Котова не радовала возможность оказаться подальше от мерзкого существа, но он не мог избавиться от мелочного подозрения, что гибридный машинный интеллект был не до конца честен с ними.

Какими бы ни были истинные намерения Галатеи, это могло подождать.

В сопровождении Дахана Котов взобрался по оплетённым азотом камням к вершине расселины. Сюркуф спустился с грав-саней и протянул ему руку.

- Вы сделали это, архимагос, - сказал он. - Красиво, не так ли?

Котов не ответил вольному торговцу, он, не отрываясь, смотрел на головокружительно высокий космический корабль, стоявший на обледеневших двигателях в центре стекловидного плато.

Мечтая найти “Томиоку” он и представить не мог ничего подобного. Сюркуф не только не стал жертвой атмосферного отравления или необузданной фантазии, напротив, капитан скорее преуменьшил великолепный и невероятный вид.

- Аве Деус Механикус..., - произнёс архимагос, открыв рот от невозможного зрелища семикилометрового космического корабля, стоявшего гордо, как звездоскрёб улья.

- И не говорите, - сказал Сюркуф, понимая его благоговение. - Я всё ещё с трудом верю, что это реально.

Котов пытался найти какую-то систему критериев, пытаясь принять идею приземлившегося космического корабля, но увиденное не вписывалось ни в какую модель реальности.

- Никогда не слышал о корабле такого размера, сумевшем пережить полёт сквозь атмосферу, не говоря уже о том, чтобы успешно приземлиться, - произнёс Дахан.

- Телок, по-видимому, вёл его точно перпендикулярно поверхности, - ответил Котов, наконец, приведя в порядок поток мыслей. - Иначе киль корабля сломался бы, и обломки разбросало бы по всей планете.

- Такое вообще возможно? - спросил Сюркуф, наведя пару магнокуляров на сверкавшее туманное облако примерно в километре от них.

- Плазменные двигатели позволили кораблю достаточно глубоко погрузиться в лёд, чтобы сохранить вертикальное положение, - сказал Котов больше для себя, чем отвечая на вопрос вольного торговца.

- Что это? - спросил Дахан, направляя боевую оптику на туманное облако, которое изучал Сюркуф. - “Барисан”?

- Похоже, - согласился Сюркуф. - Он в самом конце оврага, похожего на след от удара о землю. Думаю, Храмовники разбились, но сложно сказать что-то ещё.

- Тень глушит все показания ауспиков и наводит порчу на благословенные машины внутри долины, - сказал Котов, внезапно поняв, что размеры плато почти идеально соответствуют диаметру искажения, обнаруженному Линьей Тихон.

- Мы внутри, а грав-сани функционируют, - заметил Сюркуф. - Если она и создана “Томиокой”, то, похоже, не опускается до уровня земли.

- Если Чёрные Храмовники совершили аварийную посадку, то мы должны прийти к ним на помощь, - сказал Дахан.

Котов скорее хотел проклясть космических десантников и позволить им ответить за последствия своего безрассудного рвения, но подавил столь мелочную идею. Дахан был прав, если Адептус Астартес требовалась помощь, он обязан её оказать. Архимагос переключил режим визуального восприятия и пейзаж расцвёл множеством оттенков, когда он стал видеть в расширенных длинных волнах, акустических колебаниях, рентгеновском излучении и других сенсорных сигналах. Он раздражённо отметил, что Сюркуф оказался прав и тень не достигала уровня земли, потому что аугметические чувства не испытали никаких затруднений проникая сквозь неё ниже пятидесяти метров.

Впрочем, новая панорама казалась столь же бессмысленной, как и то, что он увидел, когда в первый раз достигнул плато. Мысленно он переключил оптику Дахана, синхронизировав со своей, и загрузил правильный режим восприятия в магнокуляры Сюркуфа.

– Магос Дахан, – сказал Котов. – Храмовники атакованы. Отправьте скитариев.

Магос Дахан терпеть не мог ехать в битву внутри бронемашины, приравнивая её металлические стены к гробнице. Именно по этой причине он использовал “Железный Кулак”, предпочитая перемещаться на транспорте с открытым верхом, как варварский король Старой Земли, атакующий врага на боевой колеснице.

Образ казался подходящим, потому что он стоял на бронированной надстройке красно-чёрного “Носорога”, ведя скитариев к окружённым Чёрным Храмовникам. Его ноги с когтями упирались в борта и задние крепления, пока отключённые скарификаторы лежали на куполе командной башенки. Верхние руки оставались пустыми, и он предпочёл алебарду паре вмонтированных в предплечья роторных лазеров.

Запретив подразделениям кадианцев пересекать недостроенный сапёрами мост, Дахан вёл скитариев мимо тысяч сервиторов и инженеров-проектировщиков, укреплявших опоры для “Табулария”. Его сопровождали тридцать “Носорогов”, прошедшие глубокую модернизацию транспорты с улучшенными ауспиками, дополнительным вооружением и высококачественными системами командного управления. В каждом находилось отделение хорошо вооружённых и отлично обученных воинов, которых он тренировал, используя стохастический анализ миллионов загруженных боевых доктрин, разложенных на составные части. Он считал безупречным подобный режим обучения, пока брат Яэль из Чёрных Храмовников – проигнорировав все статистические вероятности – не превзошёл его в поединке. Смертный разум, возможно, почувствовал бы оскорбление или обиду от поражения, но Дахан был выше подобной мелочности и включил боевые стили Чёрных Храмовников в накопленные подпрограммы.

Под прикрытием бронетехники двигались колонны вооружённых сервиторов, гусеничных преторианцев, мобильных орудийных платформ и счетверённая манипула из двенадцати боевых роботов: шести “Катафрактов”, четырёх “Крестоносцев” и двух “Завоевателей”. Органо-кибернетические мозги роботов были синхронизированы благодаря разделённому мысленному потоку боевых имплантатов.

Ничто на этом поле боя не являлось тайной для Дахана, разогнанная скоростная умственная

архитектура воспроизводила точную и постоянно обновлявшуюся картину боевой обстановки. Его оптика обнаружения угрозы – теперь объединённая с сенсорами архимагоса Котова – окрасила ледяное плато в бесчисленные голубые оттенки: резко пигментированный лазурный цвет для органики, глубокий кобальтовый оттенок для металлов и бледный сине-зелёный для минералов. Дистанции стрельбы, топографические векторы нападения и оптимальные зоны досягаемости накладывались чёткими красными линиями, предоставляя Дахану прекрасные исходные ориентиры для начала атаки.

Чёрные Храмовники сражались на крыше “Громого ястреба”, который, если верить увеличенной скорости сознания Дахана, поглощала сама земля. Армия кристаллических воинов окружила “Барисан”, странные создания излучали экзотическую энергию, источник которой, похоже, размещался в грудных клетках. Анализ биоформы определил их, как космических десантников, но Дахан видел, что они являлись жалкими копиями совершенства Адептус Астартес.

Иссушающий град болтерного огня разрывал монстров на части, но всё новые вырастали из земли под звуки бьющегося стекла. Возможно, двести или больше осаждали десантно-штурмовой корабль, бросаясь на защищавшихся космических десантников с медленным неутолённым голодом. Некоторые обладали грубым встроенным оружием, которое стреляло лучами света, напоминавшими болезненно яркие сапфировые копья.

К счастью для космических десантников меткость нападавших явно оставляла желать лучшего, но сама плотность огня вынуждала Храмовников использовать каждый квадратный метр укрытия, предоставленного стабилизаторами “Барисана”, открытыми верхними люками или бездействующими турелями.

Несколько значков замигали в поле зрения Дахана, и он молча отдал приказы.

“Завоеватели” остановились и вгрызлись когтями в зеркальную поверхность плато, получив точку опоры, они пустили в ход тяжёлые болтеры и лазерные пушки. Сияющие брызги огня пронесли над головой, пробив бреши в рядах кристаллических существ в оглушительной какофонии разбитых кристаллов и дуг электрических разрядов. В когнитивном обзоре Дахана появились новые данные.

Кем бы ни являлись эти существа они точно не были органическими.

“Крестоносцы” увеличили скорость, двигаясь парами на флангах, пока “Носороги” скитариев резко остановились, подняв снежный шторм блестящих ледяных осколков. Штурмовые рампы открылись и отделения кибернетически улучшенных воинов высадились в прекрасной синхронности. Правые глаза командиров отделений заменяли боевые имплантаты, получавшие оперативные данные прямо от Дахана. Они знали то, что знал он, и бинарные приказы секутора исполнялись почти мгновенно.

Каждое отделение наступало одновременно с соседними, создавая перекрывающие зоны огня и защищая фланги, картина напоминала партию гротмейстера на трёхмерной регицидной

доске. Вооружённые сервиторы быстро продвигались вслед за пехотой, занимая позиции для огневой поддержки, где бы она ни потребовалась. Роботы “Катафракты” двигались вместе с пехотинцами, их противопехотные автопушки и силовые кулаки готовы были обрушиться на любого противника, оказавшегося солдатам не по зубам.

Дахан отпустил борта “Носорога” и прыгнул на землю, взяв на изготовку кебранианскую алебарду и активировав скарификаторы с когтями. Его отделение показалось в поле зрения, и он побежал к ним странной размашистой походкой.

Огонь скитариев пронзал кристаллических существ, разрывая на части бронебойными пулями или взрывая высокоэнергетическими разрядами. Гранатомёты расчистили место для преторианцев, не давая врагу время на перегруппировку. Сам Дахан не боялся испачкать руки и сражался убийственными взмахами кебранианской алебарды. Он присоединился к командному отделению, состоявшему из элитных сюзеренов и носителей экспериментального оружия, и вёл его прямо в центр боя.

Сопровождавшие его скитарии обрушили на врагов шквал плазмы, гравитонных импульсов и микроконверсионных лучей. Хотя кристаллические существа явно не обладали человеческой физиологией, они всё ещё подчинялись законам физики и распадались на части, как любая обычная материя. Войска Механикус наступали по мерцающим обломкам кристаллов и хрустальным телам.

Дахан позволил себе мгновение безрассудства и опередил телохранителей, прыгнув на группу напоминавших лёд кристаллических фигур и выпустив агрессивный бинарный код. Он размахнулся алебардой и обрушил энтропийный конденсатор на грудь медленно поворачивавшегося существа. Агрессивный код вонзился в сердце создания и зелёный свет мгновенно погас. Удар алебарды расколол врага на части и не успели гладкие осколки упасть на землю, как Дахан уже двигался к следующему врагу. Насколько кристаллические фигуры были плохими стрелками, настолько же они оказались и слабы в рукопашной. Дахан рубил и колол алебардой, собирая беспощадную жатву зеркальных врагов, и отсекая кристаллические руки и ноги оплетёнными энергией скарификаторами.

Большинство полей битв заполняли крики неистовых воинов, вой смерти и лязг клинков, но над этой ареной разносился только грохот стрельбы и звуки разбитых кристаллических тел.

Двойные рога атаки скитариев окружили кристаллических существ, истребляя и оттесняя к космическим десантникам на “Барисане”. Подсчёты Дахана показывали, что битва закончится безоговорочной победой через четыре минуты и тридцать пять секунд.

Отделение Дахана, наконец, догнало своего командира, сражаясь имплантированным оружием, взрывая и прорубая путь сквозь центр врагов к космическим десантникам. Дахан мгновенно считал биометрию каждого Чёрного Храмовника и с любопытством отметил, что показания ни одного из них не свидетельствовали об участии в отчаянной перестрелке.

Секутор активировал вокс и стал прокручивать все известные ему частоты космических

десантников, пока не услышал отрывистый и эффективный – для устной речи – боевой жаргон, основанный на наречиях северных племён Инвита.

– Сержант Танна, говорит магос Дахан, – произнёс он. – Похоже, наступило благоприятное время для отступления.

Судя по голосу Танны, он был потрясён, услышав не-Храмовника в своём шлеме. – Это – вокс-сеть Храмовников, – сказал он. – Ты не должен использовать её.

– Можете высказать мне претензии, когда вернёмся на “Табуларий”, но предлагаю вам направиться с нами, пока не появились новые кристаллические существа.

Танна не ответил и Дахан понял, что сержант отключил связь.

– Глупо, – сказал секутор, изумлённый, что из-за смертной гордыни и приличий Храмовники скорее готовы навредить себе, чем следовать логике. Дахан остановился, зафиксировав уничтожение двух “Носорогов”. Нигде в широкой сети сенсоров он не отмечал угрозу, способную подбить бронетехнику. Дахан направил сознание вовне по пульсирующей паутине растущих энергетических сигнатур, которые окутывали всё поле битвы, он словно перематывал назад пикты потрескавшегося стекла, где все трещины возвращались к точке удара.

Несколько секунд спустя уровни угрозы начали резко расти, когда без предупреждения появлялись всё новые и новые энергетические символы. По всему театру битвы земля исторгла тысячи гейзеров призматических осколков, и целая армия кристаллических фигур бросилась в бой. Обратный отсчёт исчез в мгновение ока и сменился информацией о том, сколько времени его собственные войска смогут сохранять жизнеспособность.

Неизбежная победа неожиданно обернулась полным уничтожением.

Три фигуры вырвались из земли прямо перед Даханом, две напоминали грубые анатомические копии скитариев, а третья являлась глассиновой пародией на него самого, включая три ноги и четыре руки.

Взрыв огня впился ему в плечо, и произошёл скачок боевых алгоритмов из-за возросшей на порядок нагрузки. Дахан задохнулся от гексаматической плотности необходимых вычислений и из плеч повалили волны тепла, пока черепные имплантаты отчаянно пытались выпустить избыточную температуру. Он пошатнулся, пока разум и тело боролись, пытаясь сохранить равновесие между стратегическим обзором и тактической необходимостью.

Чем-то следовало пожертвовать, и прямо сейчас самой главной проблемой Дахана являлось существо, которое угрожало его жизни.

Он отключил быстродействующие когнитивные функции, и пелена информации о поле битвы

исчезла, словно унесённый ветром дым. Его доппельгангер атаковал, целясь в голову копией алебарды. Дахан всё ещё приспосабливался к ограниченному мировосприятию, поэтому пропустил удар в грудь и отлетел с трещиной в расколовшемся металле. Разряды лазерного огня вырывали куски из тела существа, но эта копия явно обладала большей плотностью, чем её собратья.

Нога с кристаллическим когтем обрушилась на руку со скарификатором и отрубила её. Сигналы боли вспыхнули в мозгу Дахана. В отрубленной конечности не осталось ничего органического, но рана от этого не стала менее реальной. Перенастройка боевых подпрограмм Дахана закончилась, и он перекатился в сторону, избегая следующей атаки, и алебарда ударила в то место, где раньше находилась его голова.

– Мой ход, – прорычал Дахан, погружая оставшийся скарификатор в тело существа.

Резкий электрический разряд вырвал большой кусок кристаллического материала и секутор ударил третьей ногой одного из нападавших. Существо покачнулось, но не упало, пока Дахан не встал в полный рост и не обрушил сверху алебарду. Удар разрубил врага пополам, тело упало, словно две половинки расколотой скульптуры. Новые восставшие кристаллические существа окружили секутора: уже только за счёт количества плотность огня противника перекрывала всё, что было в его распоряжении.

Ещё четыре врага направились к Дахану, и он откинулся на задней ноге, избегая выпада руки-копья. Отрубив алебардой импровизированное оружие, он прыгнул вперёд, выпустив электрический разряд из уцелевшего скарификатора. Противник взорвался, Дахан присел и резко повернулся на обратно сочленённых конечностях, используя заднюю ногу, словно косу. Два кристаллических существа упали. Он пронзил одно алебардой и развернул оружие, обрушив сокрушительный удар энтропийного генератора на второго врага. В него устремился потрескивающий энергетический кулак, и он опустил голову, принимая атаку на бронированный капюшон. Кристалл разбился об адамант и Дахан не предоставил существу второй шанс.

Он подпрыгнул, вскинул алебарду над головой врага и нанёс три ультрабыстрых режущих удара, прежде чем приземлился. Кристаллическое существо расплзлось на части, зелёный свет изливался из разрубленной грудной клетки. В другое время Дахан с удовольствием изучил бы источник энергии, но сейчас ему было не до любопытства.

Расчистив вокруг небольшое пространство, скитарии сумели пробиться к своему предводителю.

Дахан позволил себе на мгновение увеличить когнитивную скорость, чтобы получить доступ к протоколам стратегической обстановки и бегло просмотреть оперативные данные, поступавшие от воинов.

Информация оказалась безрадостной.

Скитарии Дахана погибали и вместо спасения Чёрных Храмовников Дахан и его командное отделение оказались в окружении, как и Танна и его воины.

Танна давно израсходовал боеприпасы болтера, а силовая ячейка цепного меча опасно приближалась к нулю. Броню опаляли десятки попаданий, и он ещё был среди наименее пострадавших Храмовников. Ауйден уже вернул Браху в бой, обработав ровное прожжённое отверстие в бедре.

Сейчас Браха стоял на колене, опираясь на стабилизатор “Барисана”, вёл прицельный огонь из имплантированного плазмагана и отбивался от подобранных слишком близко существ боевым ножом. Иссур встречал врагов клинком к клинку, рубя кристаллические пародии на космических десантников изящными ударами вопившего силового меча. Только мышечные спазмы повреждённых мускулов позволяли существам приблизиться к нему. Куски доспеха свисали в тех местах, куда дотянулись их энергетические когти.

Иссур сражался спиной к спине с Вардой, который единственный из них выглядел невредимым. Чёрный меч легко разрубал полупрозрачные стеклянные тела атакующих, а инкрустированный золотом пистолет, похоже, обладал бесконечным запасом смертоносных болтов.

Яэль сражался за турелью, которая к великому сожалению Танны не стреляла, ведя прицельный огонь и отбрасывая врагов мечом, если этого оказывалось недостаточно. Ауйден бился рядом с Танной, прежде всего он был воином, а уже потом аптекарием. Пистолет опустел, но меч и нартециум продолжали нести смерть.

- Не думал, что всё так закончится, - сказал Ауйден.

- И я, - ответил Танна, разрубив мечом лицевую панель кристаллической копии космического десантника. Он сбросил ногой разбитые останки с корабля, отметив, что оплетавший “Барисан” лёд стал, по крайней мере, на метр выше, чем когда они только разбились. Если так будет продолжаться, то плато полностью поглотит корабль в ближайшие десять минут.

Хотя Танна не собирался прожить так долго.

Сержант пригнулся, когда увидел, что в него целится кристаллическое существо и почувствовал жар пролетевшего мимо выстрела. Ещё два существа карабкались по фюзеляжу “Барисана”. Танна сбросил ногой одного и вонзил клинок в светившуюся зелёным светом грудь другого. За ними показались ещё три врага, он упал навзничь и разряды резкого огня пронесли над его спиной. Он перекатился и заскользил к краю корабля, где его ожидала армия врагов.

- Танна! - закричал Ауйден, бросаясь за ним и хватая сержанта за броню.

Помощь аптекаря предоставила Танне шанс взмахнуть мечом и завести оружие за

выступавшую воздушную отдушину. Благодаря Ауйденоу он, наконец, сумел найти точку опоры и остановить скольжение. Едва он успел перекатиться, как на краю крыши появилось несколько кристаллических когтей.

- Спасибо, - сказал Танна, встав на ноги и топча протянувшиеся руки.

Насколько он мог видеть, всё плато пришло в движение и всё больше и больше вражеских существ выходили из гейзеров кристаллических осколков, раскалывая и взрывая землю перед появлением. Атака магоса Дахана сменилась отчаянной обороной, потому что Механикус также оказались в окружении.

- Обидно погибнуть всего в двух шагах от бога-машины! - крикнул Ауиден, рассекая обратным ударом меча шею вражеского воина.

- Если они так... нгг... близко, почему они... нгг... не здесь? - резко спросил Иссур.

- Неважно! - крикнул Браха. - Ты доверился бы военной машине, которая едва не уничтожила корабль, на котором ты летел?

- Котов никогда не позволит "Луле Капиталине" стрелять по "Томиоке", - сказал Танна. - Он пересёк галактику, чтобы найти её и не пойдёт на риск повредить огнём титана.

- Тогда нас ждут несколько интересных минут, - сказал Ауиден.

- У тебя странные представления об интересном, аптекарий, - отозвался Варда, прострелив болтом грудь врага.

- Это только потому, что ты смотришь на всё с позиции убийства.

- Можно смотреть с... ггнах... другой позиции? - спросил Иссур, отрубив одним ударом ноги двум вражеским воинам.

- Я смотрю с позиции убийства и вашего спасения, - ответил аптекарий, настраивая нартециум. - И это стало интересно.

Едва Ауиден произнёс эти слова, как ужасно неудачный выстрел пробил его нагрудник, горжет и шлем. Брызнул фонтан крови, и даже не являясь аптекарием Танна знал, что такая рана смертельна. Он подхватил падавшего брата и сорвал шлем, не дав наполниться кровью и Ауйденоу захлебнуться.

Но лицо аптекария превратилось в мешанину горелой плоти и бурлившей крови. Благородные черты лица исчезли прямо у Танна на глазах, и расплавленные кости черепа осели внутрь,

образовав хлюпающий бассейн дымившего мозгового вещества.

Танну захлестнула скорбь, но он яростно подавил её, потому что в этот момент “Барисан” снова резко накренился. Он слышал крики остальных Храмовников, но проигнорировал братьев, потому что увидел приближавшуюся возможность вырваться из окружения.

Эмиль назвал бы его сумасшедшим, и Робауту было бы трудно с ним не согласиться. Он направил грав-сани мимо потрёпанной группы скитариев, сражавшихся против кристаллических монстров. Враги появлялись из зеркального плато, подобно существам, которые бесчисленные тысячелетия пребывали в замороженном состоянии под поверхностью планеты и теперь вырывались из земли.

Адара стрелял из лазерного пистолета с идеальной точностью, каждым выстрелом обезглавливая кристаллического воина. Павелька не обладала оружием, но её механодендриты были оборудованы фузионными резаками, ионными излучателями и лазерными пилами, которые оказались грозной заменой. Грав-сани не несли вооружение, но Робаут использовал их, как таран, расшвыривая несметные полчища врагов, подобно городскому транспорту Адептус Арбитрес.

Конечно, он пытался избегать лишних схваток, но чем ближе он подбирался к “Барисану”, тем тяжелее это становилось. В основном кристаллические существа уделяли внимание скитариям и космическим десантникам, но ситуация должна была измениться.

– Это – безумно и нелогично, – сказала Павелька, аккуратно отрезая голову кристаллическому существу, которое собиралось нанести смертельный удар по обнажённому мозгу поверженного боевого робота. – Мне следовало забрать у вас управление.

– Ты не посмела бы, – ответил Робаут.

– Посмела, если бы не считала, что вы просто выпрыгните и продолжите путь пешком.

Несмотря на невообразимую опасность Робаут испытывал только растущее чувство неуязвимости, поворачивая вокруг почти невидимых под слоем льда двигателей десантно-штурмового корабля. Он разбил ещё больше врагов бамперами саней, и потянул штурвал на себя, затормозив справа от корабля, крыло которого полностью ушло в землю.

Примерно тридцать кристаллических космических десантников взбирались по накренившемуся “Барисану”, словно орда жертв чумы, пытавшихся ворваться в запертую больницу.

– Держитесь! – крикнул Робаут и поддал газу.

Столкновение было ужасным, трескучей серией разрушительных ударов, в результате которых

десятки тел оказались под грав-санями. Двигатели завизжали, а задняя секция накренилась, когда дух-машина взвыл, протестуя против такого бесцеремонного обращения. Ремень безопасности Робаута лопнул посередине и только стремительные механодендриты Павельки не дали ему вывалиться из саней.

Она вернула его в вертикальное положение, и Робаут махнул рукой, привлекая внимание Чёрных Храмовников.

Космический десантник с аугметической рукой, представлявшей собой имплантированный кипевший плазмаган, спустился на грузовую платформу в сопровождении воина с потрескивавшим энергетическим клинком. Они несли тело павшего товарища, но Робаут не мог сказать, жив он или мёртв. Ещё один Храмовник спустился за ними, и остались только Танна и воин с белым лавровым венком на шлеме. Хотя это конечно было смешно, но всё выглядело так, словно они спорили о том, кто последним оставит позицию.

– Во имя Императора, просто прыгайте на чёртовы сани! – закричал Робаут, не слишком надеясь, что его услышат.

Но слова возымели желаемый эффект и оба воина прыгнули вместе, приземлившись с такой силой, что корма саней накренилась к земле. Репульсорный двигатель вспыхнул, но к счастью продолжил светить.

– Они на борту! – крикнула Павелька. – Теперь вытаскивайте нас отсюда!

Робаут кивнул и повернул штурвал, шёпотом моля у Омниссии прощения за грубое обращение с грав-санями. Система управления реагировала медленно, но Робаут уже приспособился и дал компенсацию на вес космических десантников, резко заведя двигатель. Сани неуклюже отчалили от сбитого корабля, каждый циферблат на приборной панели мигал красным.

Кристаллические существа не собирались упускать добычу и переключили атаку с “Барисана” на грав-сани. Одно из них вырвало дверь Адары и получило бронированным ботиком в лицо. Существо отлетело, а Робаут тем временем лавировал между сражавшимися скитариями. Рядом пронеслись изумрудные лучи. Цепочка взрывов протянулась вдоль тяжёлых пластин обтекателя двигателей и сани покачнулись, когда вышел из строя какой-то внутренний механизм.

Внутри шлема Робаута раздался голос. – Вывози нас отсюда!

Робаут вздрогнул. Адептус Астартес. Танна.

– Я пытаюсь, – ответил он, скользя вокруг группы кристаллических врагов, которые пытались окружить сани. – Эти твари повсюду. И мы точно не путешествуем налегке.

- Мы расчистим путь, - сказал Танна.

Несколько секунд спустя над головой пронеслись сверкавшие очереди болтов, разрывая кристаллических существ и прокладывая дорогу из битого стекла. Адара также стрелял из пистолета, ведя заградительный огонь, и Робаут легко мог представить какие истории он станет рассказывать, когда они выберутся отсюда. Сражаться вместе с Чёрными Храмовниками!

Хотя следует предупредить парня, чтобы он не использовал слово спасение.

В борт грав-саней врезался электрический разряд, и сердце Робаута сжалось, когда показания циферблатов устремились к нулю.

- Дерьмо, дерьмо, дерьмо... - забормотал он, прибегнув к универсальной ремонтной панацее и хлопнув ладонью по приборной панели.

Он рискнул оглянуться и увидел Чёрных Храмовников, стоявших прямо или опустившихся на колено на грузовой платформе, их болтеры ревели.

Но за ними из двигателя грав-саней вырывался двойной столб грязно-чёрного масляного дыма.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657928>